
ЛЮБИМОВА
Ольга ДАШКОВА
18+
НЕ СМЕЙ ВЛЮБЛЯТЬСЯ
Ты - моя игрушка

Вера Любимова
Ольга Дашкова

Не смей влюбляться. Ты моя игрушка

https://litres.ru/74935314
SelfPub; 2026

Аннотация

Я была его игрушкой на один год.

Он запретил мне любить. Я нарушила правило.

Он бросил меня со словами «ты была статьей расходов».

Я ушла и забрала с собой его ребенка.

Четыре года я жила без него. Стала сильной.

Научилась быть счастливой одна.

А теперь он вернулся. Сломленный. Отчаянный. Готовый на все.

И я не знаю, смогу ли я снова поверить человеку, который когда-то разбил мне сердце.

Содержание

Глава 1 Подпись кровью 4
Глава 2 Правила игры 11
Глава 3 Наказание 19
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Вера Любимова, Ольга Дашкова Не смей влюбляться. Ты моя игрушка

Глава 1 Подпись кровью

Я никогда не думала, что моя жизнь перевернется из-за одного неловкого движения руки и бокала дешевого шампанского.

Не из-за того, что жидкость разлилась по дорогому костюму. А из-за того, как он посмотрел на меня после. Словно я была не очередным официантом, а единственным человеком в переполненном зале, которого он действительно заметил.

Вечеринка проходила в особняке на Рублевке, одном из тех мест, где воздух пахнет деньгами, а улыбки стоят дороже бриллиантов. Я стояла за стойкой с подносом уже четвертый час.

Ноги горели в туфлях на размер меньше, спина ныла, а в голове крутилась одна мысль: еще три смены и хватит на следующий курс химиотерапии маме. Театральный факультет, стипендия, ночные подработки, все это уже давно пре-

вратилось в тонкую ниточку, на которой держалась вся моя жизнь.

Я несла поднос между гостями, стараясь стать невидимой. Бежевое платье с чужого плеча сидело на мне как на вешалке, волосы были собраны в строгий хвост, а на лице была дежурная улыбка, которую я отрабатывала перед зеркалом в общаге. Никто не должен был меня запомнить.

Но он запомнил.

Герман Рогозин.

Я знала это имя еще до того, как увидела его лицо. Все знали. Тридцать два года, владелец самой агрессивной инвестиционной империи в стране, человек, который покупал компании одним звонком и разрушал их одним взглядом.

В журналах его называли «ледяным королем» и это было не просто красивое прозвище. Он никогда не улыбался на фото. Никогда не появлялся с одной и той же женщиной дважды. И никогда не объяснял, почему.

Я проходила мимо него, когда каблук предательски скользнул по мраморному полу. Бокал наклонился. Шампанское хлынуло вперед тонкой золотистой струйкой и растеклось по его брюкам темным, почти черным пятном.

Время остановилось. Я замерла с открытым ртом, поднос задрожал в руках. Мужчина медленно повернулся.

Серо-стальные глаза. Холодные. Пронизывающие. Ни капли раздражения, ни вспышки гнева. Только… оценка. Будто я была картиной на аукционе, и он решал, стоит ли

делать ставку.

– Извините, – выдохнула, хватаясь за салфетки. – Я сейчас все вытру, я…

Он перехватил мою руку в воздухе. Пальцы были теплыми, сильными, и от этого простого прикосновения по моей коже пробежала волна мурашек, которых я точно не ожидала.

– Не надо, – сказал тихо. Голос низкий, бархатный, с едва уловимой хрипотцой. – Дарья Воронова, верно?

Кивнула, чувствуя, как горло сжимается. Откуда он знал мое полное имя? Я же даже бейджика не носила.

– Ты знаешь кто я, да?

– Да,– ответила сама не узнавая свой голос.

– У тебя пять минут, чтобы привести себя в порядок и подняться в кабинет на третьем этаже. Дверь с золотой ручкой. Не опаздывай.

Я открыла рот, чтобы сказать «нет», чтобы объяснить, что у меня смена, что я не могу просто так уйти, но он уже отвернулся, и я поняла: отказывать ему это не вариант. Это вообще не существовало в его мире.

Через четыре минуты я стояла в кабинете.

Комната была огромной, как моя общага целиком. Темное дерево, кожаные кресла, панорамные окна, за которыми Москва сияла огнями, как будто специально для него. Он сидел за массивным столом, развалясь в кресле, словно это был трон. Перед ним лежала черная папка. Тонкая. Опасная.

– Садись, – кивнул он на стул напротив.

Села, ноги предательски дрожали. Он открыл папку.

– У меня к тебе предложение, Дарья. Одноразовое. И крайне выгодное.

Я посмотрела на первую страницу. Цифры. Шесть нулей. Шесть!

– Один год, – продолжил он ровным, деловым тоном, будто обсуждал покупку новой машины. – Ты будешь моей спутницей. Для публичных мероприятий, для прессы, для тех случаев, когда нужно показать, что я не один. Жить будешь в моем пентхаусе. Все оплачено: одежда, машина, охрана. Лечение твоей матери – полностью. Я уже перевел деньги в клинику. Первый курс начинается завтра утром.

Сердце ухнуло куда-то вниз.

– Откуда вы… – голос сорвался. – Откуда вы знаете про маму?

Мужчина откинулся в кресле и посмотрел на меня так, будто я была прозрачной.

– Я выбрал тебя не случайно, Дарья. И это не прихоть. Мне нужна идеальная игрушка. Не модель из социальной сети, не дочь олигарха с кучей скандалов. Мне нужна девушка, которую можно слепить под себя. Красивая, но не вызывающая. Умная, но не слишком заметная. Без прошлого, без связей, без возможности шантажа.

Он сделал паузу, и я почувствовала, как воздух в комнате сгущается.

– Я проверил тебя три недели назад. Ты работаешь официанткой по ночам, учишься на театральном, у тебя нет бойфренда, нет долгов, кроме больничных счетов, и ты никогда не выкладывала в соцсети ничего компрометирующего. Ты идеально играешь роль «скромной девушки из провинции». А главное, что ты в отчаянном положении. Такие, как ты, не предают. Они держатся за шанс зубами.

Его слова были как пощечина. Точные. Жесткие. Правдивые.

– Единственное правило, – продолжил он, наклоняясь ближе. Запах его парфюма – дорогой, древесный, с легкой ноткой дыма – ударил мне в нос. – Не смей влюбляться. Ты моя игрушка. Ничего больше. Ни чувств, ни иллюзий, ни «а вдруг это навсегда». Если нарушишь то контракт расторгается мгновенно. Ты уходишь с пустыми руками, а лечение матери останавливается.

Сглотнула. Мама. Ее лицо вчера в палате, когда она пыталась улыбнуться и сказала: *«Дашенька, не переживай, все будет хорошо»*. Ее тонкие пальцы, которые едва держали мою руку. Я взяла ручку.

Рука дрожала так сильно, что чернила легли на бумагу неровно, будто я подписывала собственной кровью.

– Умница, – сказал он тихо, почти ласково. – Теперь ты моя.

Он встал, обошел стол и остановился в шаге от меня. Поднял руку и провел пальцами по моей щеке, стирая след от по-

текшей туши. Прикосновение было легким, почти нежным. Но взгляд остался холодным.

– Машина ждет внизу. Вещи из общаги уже забрали. Сегодня ты ночуешь в новом доме.

Я кивнула. Слов не было.

***

В пентхаусе, куда меня привезли на черном автомобиле с тонированными стеклами, все было слишком большим.

Белый мраморный пол, огромные окна от пола до потолка, вид на ночную Москву, который перехватывал дыхание. В спальне была кровать размером с мою комнату в общаге, черное белье, шкаф, уже заполненный одеждой моего размера.

Герман не включил верхний свет. Только мягкое освещение от бра.

– Душ там, – кивнул он на дверь ванной. – Одежда в шкафу. Завтра в девять утра – первая примерка и инструктаж.

Я стояла посреди комнаты, обхватив себя руками. Сердце колотилось так, что казалось, он слышит.

– Почему именно я? – спросила вдруг, сама не зная, откуда взялся голос. – Вы могли выбрать любую.

Он остановился у окна, глядя на огни города.

– Потому что ты не сломаешься сразу, – ответил он, не оборачиваясь. – Потому что в твоих глазах есть огонь, который я могу погасить. Или разжечь. Как захочу. Потому что ты будешь играть роль идеально и не потому что хочешь сла-

вы, а потому что тебе просто некуда деваться.

Он повернулся. В полумраке его лицо выглядело почти усталым.

– Иди спать, Даша. Завтра начнется твоя новая жизнь.

Кивнула и пошла в ванную. Когда вышла через двадцать минут в одной из его огромных футболок (единственное, что мне было удобно), он уже лежал на кровати. Без рубашки, с закрытыми глазами.

Легла на самый край, стараясь не дышать громко. Тишина была тяжелой, как свинец.

Я думала, он уже спит. Но через несколько минут его дыхание стало глубже, ровнее. А потом, в самой глубине сна, он прошептал так тихо, что я едва расслышала:

– Только не влюбись… я этого не вынесу.

Слова повисли в темноте, как дым.

Я лежала неподвижно, прижимая руку к груди, и чувствовала, как внутри меня что-то треснуло. Маленькая, почти незаметная трещинка. Но уже тогда я поняла: она может разрастись в пропасть.

И я все равно подписала.

Глава 2 Правила игры

Утро в пентхаусе ударило меня тишиной, как пощечина. Не будильник. Не шум машин за окном. Просто абсолютная, звенящая пустота.

Проснулась резко, будто кто-то толкнул меня в грудь. Сердце колотилось так, что отдавалось в висках. Кровать была огромной, холодной с моей стороны, а подушка рядом – нетронутая.

Герман ушел еще ночью. Или мне приснилось, что он лежал рядом? Я не знала. Помнила только его дыхание в темноте и те проклятые слова, которые он выдохнул во сне: «Только не влюбись… я этого не вынесу». Они жгли меня изнутри, как раскаленная проволока.

Села, обхватив колени руками. Футболка, которую я надела вчера вместо пижамы, все еще пахла его парфюмом. Этот запах предал меня первым: тело отреагировало раньше, чем разум.

Тепло разлилось по коже, а в груди сжалось что-то острое, болезненное. Я не имела права. Контракт. Игрушка. Ничего больше. Но почему тогда мне так страшно отпускать эту мысль?

Дверь спальни открылась без стука. Герман стоял на пороге уже в полном боевом: темно-синий костюм сидел идеально, рубашка белоснежная, галстук завязан с хирургиче-

ской точностью. Волосы уложены, взгляд острый, деловой, без единой трещинки. Никаких следов той усталости, которую я уловила вчера. Словно ночь для него была просто выключателем.

– Доброе утро, – сказал ровно. – Девять утра. Через сорок минут приедут стилист и визажист. До этого будет инструктаж. Одевайся.

Он кивнул на шкаф и вышел, даже не дождавшись моего ответа. Ни «как спалось», ни «доброе утро» по-настоящему. Просто приказ.

Встала. Ноги дрожали. В шкафу висело все, что я никогда не смогла бы себе позволить: платья, блузки, брюки, даже белье и все точно моего размера, все новое, с бирками люксовых брендов.

Выбрала самое нейтральное: белую шелковую блузку и черные брюки. Хотелось остаться собой хотя бы в этом. Хотя бы в мелочах. Чтобы не раствориться полностью в его мире.

Когда я вышла в гостиную, Герман стоял у панорамного окна с чашкой кофе. На столе лежала толстая папка и несколько распечатанных листов. Он не обернулся сразу. Просто ждал, пока я сяду.

– Садись, – наконец сказал. Я села. Руки были ледяными.

Он повернулся. Посмотрел на меня так, будто сканировал каждую клеточку. Будто проверял, не сломалась ли я за ночь.

– Первое правило, – начал он голосом, от которого мурашки побежали по спине. – Ты не задаешь вопросов. Ни о мо-

ей работе, ни о прошлом, ни о женщинах до тебя. Никогда. Если кто-то спросит ты улыбаешься мягко и говоришь: «Мы предпочитаем держать личную жизнь в тайне». Поняла?

Я кивнула. Горло сжалось.

– Второе. Ты всегда улыбаешься. Не широко. Не фальшиво. Мягко. Спокойно. Как будто тебе рядом со мной по-настоящему комфортно. Третье. Ты не касаешься меня первой. Только когда я сам этого захочу. Четвертое. Никаких фото в соцсетях. Никаких разговоров с прессой. Никаких подруг, которым ты будешь выкладывать детали нашей… сделки.

Он говорил спокойно, почти скучно, но каждое слово вонзалось в меня, как игла. Я сидела и чувствовала, как внутри меня что-то рвется. Я только что продала свою жизнь, а он перечислял правила, будто я была новым гаджетом.

– Пятое и самое главное, – продолжил он, наклоняясь ближе. Его взгляд стал тяжелым. – Ты не влюбляешься. Не фантазируешь. Не ищешь во мне того, чего там нет. Это бизнес, Дарья. Красивый, дорогой бизнес. Ты – часть моего имиджа. Я – твой билет из нищеты, из больничных счетов, из той дыры, в которой ты жила. Все честно. Без иллюзий.

Сглотнула. Слезы подступили к глазам, но я их задавила. Не здесь. Не сейчас.

– Шестое. Сегодня будет деловой обед с китайскими партнерами. Ты будешь рядом. Молчишь, пока не спросят. Если спросят отвечай коротко, вежливо, с достоинством. Никаких историй про театральный, про провинцию, про маму. Ты –

моя спутница. Точка.

Он положил передо мной лист бумаги.

– Здесь разрешенные темы. Здесь – запрещенные. Выучи до вечера. Слово в слово.

Я взяла лист. Буквы плыли перед глазами.

– Вопросы? – спросил он.

Голос вырвался сам, тихий, дрожащий:

– Почему именно я? Вы могли выбрать любую. Почему боитесь, что я влюблюсь?

Герман поставил чашку. Медленно. Очень медленно. Посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде не было ни жалости, ни тепла – только холодная, железная правда.

– Потому что все влюбляются, Дашенька, – сказал он тихо, но каждое слово ударило, как пощечина. – А потом начинают требовать. Просить внимания. Плакать по ночам. Угрожать. Я проходил это. Не хочу снова. Ты – чистый лист. Без прошлого, без связей, без возможности меня уничтожить, я уже это все тебе говорит. Я выбрал тебя именно потому, что ты в отчаянном положении. Ты будешь держаться за этот шанс зубами. И я хочу, чтобы ты осталась такой. Игрушкой. Красивой. Послушной. Без души.

Повисла долгая пауза, он давал мне время переварить информацию и принять ее.

– Стилисты через десять минут. Не задерживай.

Когда дверь за Германом закрылась, я осталась одна. Папка с правилами лежала передо мной, как приговор. Прижа-

ла ладонь к груди, сердце колотилось так, будто хотело вырваться.

Слезы все-таки прорвались. Одна капля упала на лист с запрещенными темами и размазала чернила. Я быстро вытерла ее рукавом. Нельзя. Нельзя показывать слабость. Да и что от меня требуется? Играть роль? Да, я справлюсь, я учусь в театральном.

Стилисты приехали точно вовремя. Они работали молча, профессионально, как на конвейере. Через два часа я смотрела в зеркало и не узнавала себя: волосы мягкими волнами, макияж легкий, но дорогой, платье темно-изумрудное, облегающее ровно настолько, чтобы выглядеть идеально.

На шее тонкая золотая цепочка с бриллиантом. Я выглядела… как его вещь. Красивая. Дорогая. Безопасная.

– Идеально, – сказал Герман, когда вошел. Он оглядел меня с головы до ног. Кивнул. Ни улыбки. Ни комплимента. Просто констатация. – Пойдем.

В машине мы ехали молча, его рука лежала на подлокотнике между нами. Я чувствовала тепло его тела. Хотела отодвинуться и не могла. Внутри все дрожало от смеси страха, обиды и чего-то теплого, запретного.

Обед проходил в закрытом ресторане на крыше небоскреба. Стол на двенадцать человек. Китайские партнеры, трое строгих мужчин в костюмах уже ждали. Когда мы вошли, все встали.

– Дарья, моя спутница, – представил меня Герман корот-

ко. Никаких «девушка». Никаких объяснений. Просто факт.

Я улыбалась. Мягко. Спокойно. Как он велел.

Разговор шел на английском. Я понимала почти все, но молчала. Герман говорил жестко, уверенно, контролируя каждую реплику. Когда один из партнеров спросил меня, чем я занимаюсь, я ответила ровно по сценарию: «Помогаю Герману с культурными проектами».

Он едва заметно кивнул. Одобрение. Но внутри меня это одобрение обожгло, как пощечина. Я играла роль. И играла хорошо. Слишком хорошо.

Весь обед его бедро касалось моего под столом. Не случайно. Намеренно. Его рука иногда ложилась на спинку моего стула не касаясь меня, но обозначая: моя. Я чувствовала каждое движение. Каждое дыхание. И ненавидела себя за то, что мне это нравилось.

Когда мы наконец остались вдвоем в машине, я не выдержала.

– Я хорошо справилась? – спросила шепотом.

Он смотрел в окно.

– Нормально. Но глаза выдавали. Ты нервничала.

– Я старалась…

– Старайся лучше, – отрезал.

Мы поднялись в пентхаус. Двери лифта открылись. Герман снял пиджак, бросил его на диван. Подошел ко мне вплотную. Так близко, что я почувствовала тепло его тела.

Он поднял руку и провел пальцами по моей ключице, по-

правляя цепочку. Прикосновение было легким, почти нежным. Но взгляд – ледяным.

– Ты выглядела сегодня красиво, – прошептал. – Но запомни: красота – это инструмент. Не больше.

Пальцы скользнули ниже, по линии декольте. Медленно. Изучающе. Я стояла, замерев. Дыхание сбилось. В груди горело.

– Герман… – вырвалось у меня.

Он наклонился. Губы почти коснулись моего уха.

– Завтра будет наказание, – прошептал он. Голос стал низким, опасным. – За то, что ты слишком хорошо играешь. За то, что я почти поверил, что ты не просто игрушка. За то, что в твоих глазах уже что-то горит… и это меня пугает.

Он отстранился. Долго и тяжело посмотрел мне в глаза.

– Отдыхай, и помни: одно неверное движение – и я уничтожу все. Тебя. Твою маму. Твою новую жизнь. Одним звонком.

Он ушел в кабинет, закрыв дверь. Я осталась стоять посреди гостиной. Платье вдруг стало тяжелым, как цепи. Цепочка на шее ошейником. Я прижала ладонь к груди. Сердце рвалось наружу.

В спальне я разделась, легла в кровать. В голове крутились его слова. «Наказание». «Я почти поверил». «Это меня пугает».

Я прикусила губу, чтобы не заплакать.

«Не влюбляйся, Дарья, – шептала я себе в темноту. – По-

жалуйста… не влюбляйся».

Но трещинка внутри уже росла. Быстрее. Глубже. А завтра это наказание должно было сломать меня… или показать, насколько я уже сломана.

Закрыла глаза и почувствовала, как по щеке скатилась одна горячая слеза. Завтра я узнаю, что он имел в виду.

Глава 3 Наказание

Наказание пришло не в виде крика и не в виде холодного «убирайся». Оно пришло в виде черного платья и улыбки, которую я должна была носить весь вечер.

Утром записки не было. Только сообщение от его помощницы: «19:00 – закрытый прием в честь китайской делегации. Платье уже доставлено. Будьте готовы к 18:30».

Открыла коробку. Черное. С глубоким вырезом на спине и разрезом почти до самого бедра. Такое платье нельзя было просто надеть, в нем нужно было существовать. Я провела пальцами по шелку и почувствовала, как внутри все сжимается.

Это было не платье. Это было продолжение вчерашнего разговора.

Стилисты приехали в два. Работали молча, быстро, профессионально. Когда я посмотрела в зеркало, то едва узнала себя. Темный smoky-макияж, волосы уложены мягкими волнами, губы кроваво-красные.

Платье сидело как вторая кожа. Цепочка на шее блестела холодным светом. Я выглядела дорого. Опасно. И совершенно чужой.

В 18:25 Герман вошел в спальню. Он был уже в черном, безупречном смокинге. Остановился в дверях и долго смотрел на меня. Ни слова. Только тяжелый, изучающий взгляд.

– Повернись.

Я повернулась. Медленно. Почувствовала, как его глаза скользят по моей спине, по разрезу на бедре.

– Хорошо, – наконец произнес он. – Сегодня ты будешь особенно хорошей игрушкой.

В машине мы молчали. Его рука лежала на колене, пальцы слегка постукивали по ткани брюк. Я смотрела в окно, но чувствовала каждое его движение. Воздух между нами был тяжелым, наэлектризованным.

Прием проходил в одном из самых дорогих залов столицы. Огромные люстры, живой оркестр, шампанское рекой. Китайские партнеры уже были там, те самые трое мужчин, с которыми мы обедали вчера. Когда мы вошли, Герман взял меня под локоть первый раз за все время коснулся первым.

– Господин Ли особенно любит красивых и умных женщин, – сказал он мне на ухо низким голосом. – Сегодня ты будешь улыбаться ему особенно ярко. Позволишь ему немного… пофлиртовать. Поняла?

Я кивнула. Сердце ухнуло вниз.

– Это и есть наказание? – спросила тихо.

– Это только начало, – ответил он и отпустил мою руку, оставил меня одну почти сразу.

Господин Ли подошел через десять минут. Высокий, лет пятидесяти, с острым взглядом и уверенной улыбкой. Он говорил изящные, но с явным подтекстом комплименты.

Я улыбалась. Мягко. Спокойно. Как учил Герман. Когда

он спросил, чем я занимаюсь, я ответила ровно по сценарию. Когда он пошутил я засмеялась, чуть наклонив голову. Когда его рука легла мне на талию, я не отстранилась.

Я чувствовала взгляд Германа кожей. Он стоял в другом конце зала, разговаривал с кем-то из партнеров, но его серо-стальные глаза были прикованы ко мне. Каждый раз, когда я позволяла Ли коснуться моей руки, когда я смеялась его шутке чуть громче, чем следовало, когда я смотрела на него чуть дольше, челюсть Германа сжималась. Пальцы сильнее обхватывали бокал с виски.

Это было наказание. Не для меня. Для него. И он сам его себе устроил.

Через час я уже едва держалась. Ли становился смелее. Его ладонь легла мне на поясницу ниже, чем допустимо. Я почувствовала, как по спине пробежал холодок унижения. Но улыбнулась еще шире. Потому что Герман смотрел. Потому что я должна была быть идеальной игрушкой.

Вдруг он появился рядом. Быстро. Жестко. Перехватил мою руку и почти силой оттянул меня в сторону, к открытой террасе.

Ночной ветер ударил в лицо. Москва сияла внизу тысячами огней, но я видела только его лицо темное, злое, с горящими глазами.

– Достаточно, – процедил он сквозь зубы, прижимая меня спиной к холодному камню парапета.

– Ты сам сказал, – ответила, стараясь, чтобы голос не дро-

жал. – Улыбайся. Общайся. Покажи ему.

– Я сказал улыбаться. Не разрешал ему лапать тебя, как будто ты его собственность!.

Его рука легла мне на талию. Сильно. Пальцы впились в ткань платья.

– А разве я не твоя собственность? – спросила тихо, глядя ему прямо в глаза. – Разве не для этого меня купили? Чтобы показывать, улыбаться, быть приятной любому, кому ты прикажешь?

Слова вырвались острее, чем я хотела. В них была вся накопившаяся боль. Вся обида. Вся трещина, которая росла внутри меня с каждой минутой.

Герман замер. Его дыхание стало тяжелым. Он наклонился так близко, что наши губы почти соприкоснулись.

– Ты моя, – прошептал он хрипло. – Моя игрушка. И только я решаю, кто и как тебя трогает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.